
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

A.V. Ryazanov, S.M. Frolova
**Risk of Segregative Changes
of Modern Society in Conditions
of Globalization**

Globalization processes of the modern world leading to the world community's presumable division by economic, resource, military potential and information-communication criteria are analyzed. Each of the attributes of the feasible division of societies is considered separately. The possibility of the reverse trend – self-segregation or constrained self-isolation of modern states – is studied.

Key words and word-combinations: segregation, globalization, daily life, risks.

Анализируются процессы глобализации современного мира, ведущие к возможному делению мирового сообщества по экономическому, ресурсному, военно-силовому и информационному критериям. Рассматривается отдельно каждый из признаков предполагаемого разделения обществ. Исследуется возможность обратной тенденции – самосегрегации или вынужденной самоизоляции современных государств.

Ключевые слова и словосочетания: сегрегация, глобализация, повседневное бытие, риски.

УДК 316.32
ББК 60.52

А.В. Рязанов, С.М. Фролова

РИСК СЕГРЕГАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Перед современным обществом, включенным в процесс глобализации, стоит непростая задача переосмысления существующих и формирования возможных устоев бытия. XXI в. показал, что при активном вовлечении государств в общий котел глобализационного развития не все обретают одинаковые экономические и политические преимущества. Полагаем, что в данном случае необходимо говорить об общественной сегрегации. Важно уточнить, что термин «сегрегация» применяется не в значении «расовая дискриминация», как было принято в начале XX в., а в контексте разделения обществ по определенным признакам: экономическому, ресурсному, военно-силовому, информационно-коммуникационному. Сегрегация в современном мире все чаще прослеживается в идеологии, политических и этических установках, в коммуникативных практиках.

Существуют идеи, что только для некоторых стран возможно процветание, остальные обречены существовать на периферии современного мира. Подтверждение неутешительного прогноза для будущего в условиях глобального мира находим у В.А. Лекторского. Размышляя об одной из особенностей глобализации — создании транснациональных корпораций, исследователь полагает, что для ТНК, свободных от национальных границ, наиболее выгодно развивать производство только в экономически рентабельных районах. Это приведет к увеличению числа социально невостребованных людей, или «экономических и социальных изгоев» [1, с. 190], права которых не будут нарушаться, но невостребованность и нереализованность их социального потенциала поставят вопрос о бессмысленности жизни.

Элементы сегрегации по экономическому признаку усматриваются сегодня в разделении общества на богатых и бедных. В условиях рыночной идеологии и приоритета материальных ценностей того, кто не достиг определенных финансовых высот, зачисляются в разряд неприспособленных к жизни. Ориентация в повседневном бытии на реализацию «американской мечты», на ценности обеспеченного слоя и страх людей со средним уровнем дохода остаться «внутренними эмигрантами» в своем же обществе обусловили проблему ценности потребления и потребительского поведения, ориентированного на «глянцевый» стереотип, на гламур (как образец роскоши), направленного на демонстративное убеждение окружающих в своем процветании. Согласно утверждению Ж. Бодрийяра, такое стремление не является случайностью, поскольку на эту концепцию работала вся идеологическая машина современного западного общества.

Идея потребления, согласно многим исследованиям, — только часть айсберга, угрожающего в будущем каждодневному спокойствию общества. Не менее проблематичными могут быть последствия экономических противоборств, которые возникают на фоне попытки перераспределения природных ресурсов. Глобализация вносит в этот процесс свои поправки: теперь «сильные государства... добиваются того, чтобы правительства слабых государств поставляли ресурсы технологически более развитым государствам и их хозяйствующим субъектам на более... выгодных условиях», и если политики относительно слабого государства не принимают такие условия, то «средствами достижения цели могут стать и ввод войск, и разжигание внутренних конфликтов» [2, с. 142]. Примерами могут служить недавние события в Ливии, Египте, на Украине. Исследователи предупреждают, что «в этих случаях слаборазвитые страны, имеющие исторически традиционную культуру, могут найти себе место только среди поставщиков сырья или стать рынком сбыта. Они могут остаться без собственной национальной экономики и без современных технологий» [3]. Считаем, что такие методы внедрения в экономику не только ставят под угрозу суверенитет этих государств, но и способствуют обострению национальных конфликтов.

По нашему мнению, описанную выше ситуацию необходимо рассматривать как стремление к сегрегации по ресурсному признаку, которая является продолжением и последствием разделения обществ по экономическому признаку.

Парадокс ресурсной градации заключается в том, что заинтересованный в ресурсах потребитель начинает диктовать цену и условия сделки продавцу. Это дает основания отнести такой вид разделения стран к превосходству военно-силовому, а не экономическому, так как страны-поставщики по природным ресурсам богаче, нежели диктующий им условия сделки покупатель. Опасность этого вида сегрегации в том, что более слабые государства рискуют попасть в категорию факультативных. А.С. Панарин такую ситуацию справедливо называет глобальным колониализмом, «оправдывающим права новых колонизаторов ссылками на непригодность незападных народов быть хозяевами собственных территорий и ресурсов» [4, с. 286]. В рамках этой концепции предполагается также, что развитые страны обладают правом получения «колониальных дивидендов» от эксплуатации ресурсов других стран, исключая финансовые затраты на экологизацию производства «мировой периферии». Так проявляются негативные последствия глобализации.

По мнению М.В. Фомина, прогнозируемое время начала ресурсного голода и, соответственно, активизации ресурсных конфликтов — 2030–2035 гг. Он пишет, что «государства, которые считают, что ресурсная безопасность оказывает прямое воздействие на национальные интересы и сохранение суверенитета, могут, вероятно, изменить традиционное толкование вопроса о законности применения силы, что может привести к политическому или даже военному вмешательству в целях защиты доступа к ресурсам» [5, с. 143]. Таким образом, открывается вполне реальная перспектива возникновения военных конфликтов именно из-за доступа к ресурсам.

В рамках рассматриваемой проблемы особенно актуальным становится вопрос Д. Норта: «Почему бы политическим руководителям государств со стагнирующей экономикой не заимствовать у других более успешную политику? Как объяснить глубокие различия в экономическом развитии на протяжении длительного периода времени?» [6]. Ответ находим у В. Федотовой, полагающей, что следование по пути «догоняющей модернизации» или имитирования успешных для Запада фаз экономического развития не может быть результативным. Исследователь справедливо полагает, что даже «если мы будем производить компьютеры, которые уже есть... мало, что изменится. Другое дело, если мы выступим с чем-то, чего нет на мировом рынке...» [7, с. 260]. Каждой стране поэтому важно выработать свою линию развития. Если учесть, что будущее — это «дорога, которая выстраивается по следам прошедших» через настоящее, и весьма предсказуемо [8, с. 4], то можно предположить, что в плане экономического развития для России спасительным является аграрный путь. Он должен быть одним из главных направлений развития. Ведь на протяжении длительного времени экономическую стабильность России поддерживало сельское хозяйство. Земледелие всегда имело в стране определяющее значение, способствовало сплочению семьи, развивало веру в собственные силы, учило быть независимыми от других. Искусственное разрушение традиции земледелия в России привело к принятию чуждых форм хозяйствования, поэтому если восстановить развитие сельского хозяйства в современных условиях, то это позволит производить дефицитную

сельхозпродукцию, в которой нуждается мировой рынок, а другим странам сложно будет конкурировать с Россией в силу ограниченности территории.

Аналитики прогнозируют наступление в недалеком будущем эры «зеленой экономики». Это означает, что «те экономики, которые останутся за пределами нового технологического уклада, — из состояния депрессии либо через депрессию — перейдут в состояние технологических изгоев, выйти из которого будет уже практически невозможно» [5, с. 143]. Для России возрождение сельского хозяйства потенциально может определить положительную динамику экономики: потребность в специальной технике поспособствует развитию машиностроения, «оживлению» многих перерабатывающих производств, формированию инновационных технологий в химической, строительной, легкой промышленности. Особенно важно, что подъем сельского хозяйства способствует росту мощи государства, сплочению народа, сохранению традиций, поскольку обработка земли не терпит разрозненности и разлада, она требует синхронности во взаимоотношениях людей, в политике государственного управления, в развитии промышленности и в деятельности субъектов. Отметим, что указанные перспективы возврата к сельскому хозяйству не должны восприниматься как регресс. Напротив, в эпоху активной урбанизации, когда во многих странах соотношение городского и сельского населения составляет 70 : 30, а то и 90 : 10, это может стать единственным способом сохранения жизнеспособности общества, ведь неизвестно, выдержит ли цивилизация урбанистическую линию своего развития и к каким последствиям это может привести.

Не менее значимым является информационно-коммуникационный фактор, который тоже задействуется при сегрегационных процессах. Государства, с некоторым отставанием присоединившиеся к «мейнстриму» современного глобализирующегося мира, попадают в крайне невыгодное положение. При попытке встроиться в «общий» процесс им приходится пользоваться теми информационно-коммуникационными, социальными технологиями, образцами и инструментами, которые сложились при участии государств — лидеров глобализации. Они вынуждены либо принимать условия «присоединения» к развитым государствам, либо оставаться в стороне от этого процесса. Иного пути в глобальную экономику у них нет. Первенство в информационно-коммуникационных технологиях зависит от уровня экономического развития, уровня финансового благополучия и места в складывающемся разделении труда. Это означает, что «отставшие» обречены на следование в арьергарде развитых стран. Даже распространенные в мире рейтинги — плод развития конкретных стран и рычаг давления на экономику, финансовую сферу, системы образования и медицины стран, находящихся в таком «арьергарде».

Тем не менее именно информационно-коммуникационные технологии являются ключевыми для поддержания самостоятельности и самостоятельного развития государств, насколько оно возможно в эпоху глобализации. Массированное применение этих технологий в отношении общества ведет к навязыванию нужного правящему слою дискурса, а «язык есть эффективное средство внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций,

часто помимо сознания реципиента, и поэтому язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов» [9, с. 7]. В итоге изменяется «повестка дня», растет общая манипулируемость населения. Информационно-коммуникационные технологии активно применяются и внутри стран — лидеров мирового развития, но наиболее тяжелые последствия это имеет именно в «сегрегируемых» государствах, где с их помощью «гасятся» даже намеки на ростки самостоятельного позитивного развития. Одновременно происходит «утечка мозгов» из периферийных стран в развитые государства. Под влиянием распространения (чаще всего навязываемого) «единых стандартов» наблюдаются деформация и разрушение национальных систем образования.

Сегрегация может носить разный характер и обуславливается разными причинами, но, бесспорно, наносит огромный ущерб сегрегируемым государствам и обществам, противопоставляя их «мейнстриму» мирового развития, замыкая их в своих границах. Такие государства, лишённые возможности развиваться вместе со всеми, вынуждены довольствоваться местными источниками и ресурсами, которых, как правило, не хватает. Это вызывает опасность сползания всего общества в социокультурную архаику. Естественно, перед властью встают серьезные проблемы самостоятельного развития таких государств, поскольку в них складывается возможность и даже необходимость формирования гибридного механизма управления, который предполагает опору на имеющиеся институты и практики — традиционные и даже архаические, но часто мимикрирующие под современные, а также работу внеконституционных институтов политического управления. Последним «отведена роль “приводных ремней” властных органов государства, осуществляющих (в большей или меньшей степени) реальную власть в современной Российской Федерации и по той или иной причине (как правило — политической) не желающих в конкретно сложившейся ситуации действовать в рамках отведенных им официальных властных полномочий» [10].

С определенной долей уверенности можно утверждать, что наблюдается обратная тенденция — сознательная или вынужденная самоизоляция (самосегрегация) ряда современных государств. Причины могут быть разными, но итог чаще всего одинаковый — свертывание международного сотрудничества, постепенное замедление экономического и культурного развития как следствие выпадения из системы международного разделения труда и недостатка финансовых ресурсов. Такая сегрегация или самоизоляция может быть выгодной для отдельных социальных групп, которые в ней заинтересованы, но для государства и общества в целом, безусловно, вредна. «За дымовой завесой самобытности» часто «кроются усилия могущественных внутренних кланов, не заинтересованных в открытии страны и ее экономики» [11, с. 92].

Встроившееся в международное разделение труда современное государство имеет ограниченный суверенитет, так как связано тысячами нитей с другими государствами глобализирующегося мира. Разрыв таких связей снижает уровень экономического развития и благосостояния населения, а следовательно, конкурентоспособность государства, которая (и внутренняя, и внешняя) недостижима при отсутствии общественной активности, игнорировании твор-

ческого потенциала как отдельного индивида, так и больших социальных групп и слоев [11, с. 91].

Современный житель России в целом обладает гораздо более явно выраженными индивидуалистическими ценностями, нежели старшее поколение, воспитанное в СССР. Ценности, транслируемые государством, требующие примата государственных интересов, самоотдачи или жертвы, вряд ли будут пользоваться успехом у большинства представителей молодого поколения. Дело в том, что за последнее столетие в значительной части стран, идущих по западному пути развития, изменился баланс я- и мы-идентичности в сторону индивидуализма. Это происходило параллельно с распространением современных средств массовой коммуникации, вытесняющих и трансформирующих традиционную культуру.

Активное продвижение и господство массовой культуры в последней четверти века сделало очень многое для «расколдовывания мира», поэтому возврат к традиционным ценностям в полном смысле слова невозможен. Однако движение в эту сторону может оказаться успешным, если государство будет это делать постепенно и на паритетных началах, не покушаясь на свободу личности и гражданские права. Нужно понимать, что привычные социальные институты как на Западе, так и в России сильно изменились. Э. Гидденс так описывал известную ему современную западную ситуацию: «...мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Прежней осталась только скорлупа, внешняя оболочка...» [12]. Хотя в России положение не совсем такое, социальные институты не являются константами и, безусловно, претерпели серьезные изменения в том же направлении, что и западные.

Будущее, как полагал Н. Луман, не определено не только потому, что зависит от многих известных и неизвестных факторов, но и потому, что оно замкнуто само на себя посредством принятия решений, следовательно, зависит от настоящего [13, с. 26]. Заботясь о сохранении самобытности, важно задуматься над созданием такого плана мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства (учитывая управленческие ошибки предыдущих десятилетий, вынудившие крестьянина покинуть землю), который убедил бы граждан России, что обрабатывать землю престижнее по психологическим, физическим (в плане здоровья) параметрам, финансово привлекательнее. Это, конечно, не должно быть только декларацией. Полагаем, что иначе российское общество будет находиться в состоянии неопределенности, вынужденно ориентироваться на образцы, транслируемые с Запада, что выходит за рамки естественного исторически определенного пути России. Несмотря на то, что Россия «в течение трех веков осуществляла модернизацию» и «в ней прочно европейское начало» [7, с. 398], она всегда сохраняла свою индивидуальность, нестандартность, самобытность и по многим показателям (в определенные периоды) опережала европейские страны. «Следование навязываемой имитационной политике западных стран разрушающе действует не только

на финансовую стабильность любой страны, но и способствует утрате веры в собственные силы и снижению национального самосознания» [14, с. 142]. Следует задуматься о выживании в условиях глобализации, «спроектировать» себя самим через сохранение национального самосознания, чтобы избежать проектирования другими и не утратить смысла существования.

В различные эпохи смысл жизни почти всегда определялся идеологией достижения всеобщего блага. Однако отметим, что практическое определение Сократом общего блага основано на идее его реального существования, недостижимость блага объясняется неспособностью человека определить истинные ценности [15]. Сегодня ряд ценностей считаются общепризнанными и значимыми, но у индивидов нет желания стремиться к определенной кем-то утопической цели, поскольку современное общество устало от многообразия социальных экспериментов и не желает верить в возможность «светлого будущего», несущего всеобщее благо. Это объясняет современный плюрализм индивидуальных целевых предпочтений и, несмотря на тенденцию глобализационного единения, отсутствие общего для всех принципа бытия.

Риски сегрегации в межгосударственных отношениях в современном мире имеют множество причин. Но вне зависимости от них она происходит по определенному шаблону, включая экономическое (в том числе финансовое) давление через международные финансовые институты, сложившееся международное право и связанные с ним практики, стимулирование ресурсной ориентации ряда государств и направленное влияние на их социальную сферу с помощью информационно-коммуникационных технологий. Таким образом достигаются преимущества в международном разделении труда и удерживается лидерство в области развития науки и технологий.

Библиографический список

1. *Лекторский В.А.* Возможно ли постчеловеческое будущее? // *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М., 2012. С. 170–176.
2. *Козлова О.В., Попов Ф.Н.* Международные отношения, межэтнические конфликты в условиях глобализации // Диалог культур как фактор безопасности цивилизационного процесса: материалы всероссийской научно-практической конференции. Пятигорск, 2012. С. 140–145.
3. Глобализация как феномен информационного общества: аксиологический аспект. URL: <http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=4416>
4. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 2002.
5. *Фомин М.В.* Технологии качества жизни и постиндустриальная эпоха // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 139–146.
6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. URL: <http://lib.rus.ec/b/351951/read>
7. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.
8. *Аскин Я.Ф.* Творчество как феномен будущего // Современная картина мира: общество, время, пространство. Саратов, 2001. С. 4–5.
9. Язык и моделирование социального взаимодействия / под общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987.
10. *Сергеев С.Г.* Внеконституционные политические институты: правовой феномен и политическая реальность // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 4 (21). С. 57–65.

11. Глухова А.В. Суверенитет versus конкурентоспособность: трудный выбор государства // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 83–92.
12. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
13. Luhmann N. Sociologies des Risks. Berlin; N. Y. 1991.
14. Фролова С.М. Институализация и рискогенность повседневной жизни общества. Саратов, 2013.
15. Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб., 2001.

P.M. Fedorov
Gender Aspect of Political Online
Communication

Differences in gender roles of political participants and their Internet representations are analyzed. The factors that mediate gender differences in computer-mediated communication are detected. Types of gender differences inherent to the off- and online political activity are studied.

Key words and word-combinations: gender, political communication, political activity, Internet-media.

Анализируются различия гендерных ролей участников политических акций и их интернет-репрезентации. Выявляются факторы, опосредующие данные различия в компьютерной коммуникации. Исследуются гендерные различия, характерные для политической активности офлайн и онлайн.

Ключевые слова и словосочетания: гендер, политическая коммуникация, политическая активность, интернет-СМИ.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

П.М. Фёдоров

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-
КОММУНИКАЦИИ

В последние годы актуализируется значимость потенциала гендера как социально конструируемой категории идентичности в воздействии на аудиторию интернет-СМИ. Формируемая политическим дискурсом гендерная идентификация создает информационный и эмоциональный контексты восприятия сообщений интернет-СМИ, которые, в свою очередь, служат основой политического участия. Перед исследователем гендерного аспекта политической интернет-коммуникации стоят задачи выявления различий гендерных ролей участников политических акций и их интернет-репрезентаций как по форме, так и по содержанию политической активности: ее устойчивости, характерных форм коммуникации.

В современных гуманитарных науках интерес вызывает то значение, которое придает обществом половой принадлежности индивида, и многие феномены, которые ранее объяснялись биологическими особен-